

и в переводе отражаются отрицательно на качестве румынского текста (ср. полную стилистическую неуместность перевода выражения *почему-то* в предложении: Но Супругов был занят папиросой, которая *почему-то* потухла = «Dar Suprugov era ocupat în acest moment cu țigara, care, *nu se știe de ce*, se stinse»; ср. также эстетическую нецелесообразность сохранения в переводе частицы *даже* (= *chiar*): «Фамилию он произнес с таким откровенным подбострастием, что Боброву *даже* сделалось противно» = «Pronunțase numele cu un servilism atât de vădit, încât lui Bobrov i se făcuse chiar scîrbă»).

Другое интересное явление, привлекающее к себе внимание при сопоставлении грамматических приемов русского и румынского языков, относится к личному местоимению 3-го лица *он* (*она*, *оно*, *они*), которое отличается тем, что имеет в русском языке более широкое употребление, чем его румынский эквивалент. Всякий раз когда в русском тексте имеется данное местоимение в румынском языке его законный эквивалент (*el*, *ea*, *ei*, *ele*) заменяется, за редкими исключениями, соответствующим именем существительным (которое может иметь при себе какое-либо имя прилагательное или чаще всего указательное местоимение 'acest').

Примеры: «Через четверть часа, *они*, протянувшись с страшным грохотом через десятки станков, уже складывались на другом конце мастерской длинными, гладкими блестящими рельсами» = «Peste un sfert de oră, *aceste lingouri* — după ce treceau, duduind, prin zeci de caje de laminare și erau transformate în șine lungi, netede și lucitoare — se așezau la celălalt capăt al atelierului» (Куприн, *Молох*); «Он бежал из всех сил... Преследователи начинали отставать» = «*Condamnatul* fugăa cît îl țineau picioarele... Straja rămăsese în urmă» (Тургенев, *Враг и друг*); «Они и так смотрели на нас косо, хоть мы и считались союзниками» = «*Locuitorii* și așa se uita la noi chiorș, deși eram socotiți aliați» (Тургенев, «*Прозевитъ ego!*»); «Тут он совсем помертвел — и только раза два с трудом воскликнул...» = «*Bietul om* se zăpăcise cu totul — abia de roști de două ori cu greu...» (Тургенев, *Повесть еров*).

Следовательно, во всех этих примерах, вместо личного местоимения 3-го лица в румынском тексте неизменно выступает соответствующее имя существительное (*aceste lingouri*, *condamnatul*, *locuitorii*, *bietul om*), которые являются, в данных контекстах, более целесообразным и более выразительным, чем личное местоимение.

Несмотря на то, что данная особенность является трудно объяснимой, мы можем все же предложить — с соответствующими оговорками — следующее объяснение. Обладая фонетическим телом, более мощным и следовательно более выразительным, чем его румынский эквивалент (ср. *они* и *ei*, *она* и *ea*, *оно* и *el* или *ea*), уже по одной такой причине, местоимение *он* всегда оказывается способным, во всяком случае в большей мере способным, чем соответствующее румынское местоимение заменять те имена существительные, представителем которых оно является.